

Кумыкова Дина Мухарбиевна

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ЧИ, ЛИ В ГОВОРАХ

В статье рассматриваются особенности функционирования служебных слов *чи, ли* в русских терских говорах Кабардино-Балкарской Республики. Выявлено, что наиболее распространено в исследуемых говорах их употребление в функции разделительных союзов, в семантике которых присутствует значение субъективной модальности, и союзов в сложноподчиненных предложениях. Специфичным является одновременное их использование в синтаксической конструкции, что расценивается как проявление русско-украинской межъязыковой интерференции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 114-116. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'282.2

Филологические науки

*В статье рассматриваются особенности функционирования служебных слов **чи, ли** в русских терских говорах Кабардино-Балкарской Республики. Выявлено, что наиболее распространено в исследуемых говорах их употребление в функции разделительных союзов, в семантике которых присутствует значение субъективной модальности, и союзов в сложноподчиненных предложениях. Специфичным является одновременное их использование в синтаксической конструкции, что расценивается как проявление русско-украинской межъязыковой интерференции.*

Ключевые слова и фразы: говоры вторичного образования; русские терские говоры; служебные слова; частицы; союзы; межъязыковая интерференция.

Кумыкова Дина Мухарбиевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований

Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

dina07-09@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ **ЧИ, ЛИ** В ГОВОРАХ[©]

Служебные слова *чи, ти, ли*, широко употребляющиеся в диалектах русского языка в качестве союзов и частиц, отмечаются еще в древнерусских грамотах, начиная с XI в. [2; 8]. По материалам атласов территория распространения частиц и союзов *чи, ти* – западные и юго-западные области Российской Федерации, граничащие с территориями, занятыми другими восточнославянскими языками: *чи* употребляется преимущественно на территории, соседней с Украиной, *ти* – на территории, соседней с Белоруссией. Известно, что употребление частицы и союза *чи* характерно для говоров украинских, *ти* или *ци* (как фонетический вариант *ти*) – для белорусских говоров [3]. И. Б. Кузьмина отмечает также большую распространенность данных частиц и союзов в севернорусских говорах костромской группы, а также в среднерусских владимирско-поволжских [Там же, с. 121]. Союз *ли* (*ли ... ли*), по наблюдениям В. Т. Трубинского, чаще используется в севернорусских говорах (псковских, вологодских и т.д.), в то время как южнорусским и среднерусским свойствен союз *али* (*али ... али*) [9, с. 167].

Цель настоящей статьи – рассмотреть функционирование данных служебных слов в русских терских говорах Кабардино-Балкарской Республики, представляющих собой говоры вторичного образования (или говоры территории позднего заселения, по терминологии Л. И. Баранниковой [1]), в формировании которых принимали участие переселенцы из южных областей России и Украины [5, с. 215-217; 6, с. 164-165; 7, с. 474]. В результате длительного смешения южнорусских и украинских диалектных основ в них развились специфические черты, проявляющиеся во всех уровнях говоров, в том числе – и в наименее изученном – синтаксисе. Функционирование частиц и союзов *чи, ти, ли* в говорах со смешанной основой также имеет свои особенности.

В русских терских говорах, как свидетельствует наш материал (полученный в ходе экспедиций в ст. Екатериноградская, Солдатская, Приближная Прохладненского района Кабардино-Балкарской Республики в 1999-2010 гг.), частицы и союзы *чи, ли* отличаются высокой продуктивностью и разнообразием выполняемых функций. В то же время употребление служебного слова *ти* нами не зафиксировано.

Известно, что в русских говорах данные слова могут выступать в различных функциях: в функции вопросительных частиц, модальных слов, разделительных союзов при однородных членах предложения и союзов, присоединяющих придаточное предложение. Причем, замечено, что в севернорусских и среднерусских говорах *чи, ти* весьма редко выступают в функции союзов; наиболее частое их употребление зафиксировано в функции модальных слов и частиц, в которых вопросительное значение сочетается с субъективно-модальным. В южнорусских говорах на западе РФ они выступают в функции «высокочастотных компонентов вопросительного предложения» [3, с. 125]. Не всегда разграничение этих функций является четким.

Рассмотрим условия употребления данных слов в исследуемых говорах.

Наиболее распространено в наших примерах употребление *чи* при однородных членах предложения в качестве разделительного союза; при этом он может выступать как в виде одиночного союза, так и в виде повторяющегося *чи ... чи*. Одиночный союз *чи* выполняет функцию, подобную функции союза *или* в литературном языке: (1) *Теперь спроси: сушка есть у кого **чи** нету?* (ст. Солдатская) (*здесь и далее мы указываем место записи – прим. автора – Д. К.*); (2) *Бори там **чи** суп варьши?* (ст. Солдатская); (3) *А мать останется, приготовит там чё, поразогреть, колбасы там, **чи** чё поначиняить* (ст. Солдатская); (4) *Резинок не было, **чи** были – не знаю* (ст. Екатериноградская); (5) *Моего отца дед **чи** прадед с Украины* (ст. Солдатская).

Повторяющееся *чи ... чи* выполняют функции, аналогичные союзам *или ... или, то ли ... то ли* в литературном языке: (6) *Брали **чи** на три года, **чи** на два, забирали двадцати лет служить* (ст. Екатериноградская); (7) *Ходили **чи** по кинам, **чи** по чём* (ст. Екатериноградская); (8) *Его отца **чи** сослали, **чи** не сослали* (ст. Солдатская).

Из приведенных примеров видно, что конструкции с *чи*, выступающим в качестве разделительного союза, могут быть как невопросительными, так и вопросительными (примеры (1), (2)). По своему построению они

не различаются: ни в одном из случаев *чи* не занимает начальной позиции, характерной для вопросительной частицы. Различие здесь лишь интонационное. В наших примерах случаи, когда *чи* выступает в качестве вопросительной частицы, единичны: (9) *А я вот хочу спросить вас: как вас чи кто послал, зачем?* (ст. Приближная).

В невопросительных предложениях союз *чи* часто выражает субъективно-модальное значение (неуверенность, предположение и т.п.) (значение неуверенности имеют союзы в примерах (4), (5), (6)-(8)). Значение предположения «*наверное, скорее всего*» присутствует в следующих случаях: (10) *За лето чи позабудешь все* (ст. Екатериноградская); (11) *За два дни чи доберешься, сли не останавливаться* (ст. Солдатская); (12) *Чи годов сорок не грала (на гармошке)* (ст. Приближная).

Отмечено употребление *чи* в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным, где он выступает в качестве союза, функция которого аналогична функции союзной частицы *ли* в литературном языке: (13) *Ты посмотрела бы, чи гости приехали* (ст. Екатериноградская); (14) *Не знаю, чи родня ейна* (ст. Екатериноградская); (15) *Не помню, чи сваха мне говорила о том* (ст. Солдатская). В сложноподчиненном предложении с придаточным условия *чи* выступает, замещая функции литературного *если*: (16) *Чи девки эти, девок одорють деньгами* (ст. Приближная).

Рассмотрим случаи употребления союза и частицы *ли*: (17) *Раньше меняли кабардинцы, осетины ли груши, кизил на пианицу* (ст. Екатериноградская); (18) *У мене ли, у тебе – нанимали гармониста, играли, танцевали* (ст. Екатериноградская); (19) *Это отец-мать засылають сватов, каких они назначают там – своих ли чужих* (ст. Солдатская); (20) *Воскресенье ли какой праздник – пякуть пироги* (ст. Солдатская). Здесь союз *ли* выступает в своей основной функции – реализация разделительных отношений, что аналогично функции союза *или* в литературном языке.

Отмечено использование *ли* в пояснительных контекстах в значении пояснительного союза (*то есть, это значит*): (21) *Жарыли чурэки, ли олады с кукурузной муки* (ст. Солдатская); (22) *Буки были, ли кадушечка, только высокая, середка выбратая* (ст. Солдатская). Отметим, что союз, выполняющий пояснительную функцию, занимает позицию между членами пояснительного ряда – поясняемым (первый член) и поясняющим (второй член).

Повторяющийся союз *ли ... ли*, как и двойной *чи ... чи*, по выполняемой функции подобен литературным союзам *или ... или* и *то ли ... то ли* и выражает субъективно-модальное значение неуверенности, предположения: (23) *Ли выслали его, ли он сам умер, ничо не могу сказать* (ст. Екатериноградская); (24) *Масла ли, смятаны ли – не знаю чо ему надо* (ст. Солдатская); (25) *Ли по радио, ли по телевизору чо услышу, все расскажу* (ст. Солдатская); (26) *Как дон, все люди бежать вот сюда, на площадь: это ли вора поймали, ли ишо чо-нибудь* (ст. Екатериноградская).

Интересны случаи одновременного использования в конструкциях союзов *чи* и *ли*. Здесь функции *чи* и *ли* аналогичны с функциями союза *или* в литературном языке: (27) *Даже сли кто приедит, чи на квартиру ли как, квартиру не найдут – все хозяева были* (ст. Екатериноградская); (28) *Две бутылки связывают – водку чи ли раку* (ст. Солдатская); (29) *Намолот пианицу чи ли ишо че – и мясить тесто* (ст. Екатериноградская).

Примеры типа (27)-(29), в которых *чи* и *ли* выступают и позиционно, и функционально как единое целое, немногочисленны. На наш взгляд, такое употребление является специфической особенностью исследуемых нами говоров, являясь свидетельством русско-украинской межъязыковой интерференции (т.е. *чи* – как влияние украинского, *ли* – русского) [4]. Заметим также, что и тот и другой союз одинаково используется нашими респондентами-казаками, как украинского происхождения, так и русского.

Таким образом, в русских терских говорах служебные слова *чи* (*чи ... чи*), *ли* (*ли ... ли*) отличаются регулярностью употребления. Чаще всего они используются в функции разделительных союзов, в семантике которых присутствует значение субъективной модальности (как правило, предположения, неуверенности), и союзов в сложноподчиненных предложениях, присоединяющих придаточную часть. Случаи их употребления в функции вопросительных частиц единичны.

Список литературы

1. Бараникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22-31.
2. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
3. Кузьмина И. Б. Об употреблении частиц и союзов *ти, чи* в русских говорах // Современные русские говоры. М.: Наука, 1991. С. 120-126.
4. Кукса Т. П. Русско-украинская межъязыковая интерференция в украинских говорах Крыма (на материалах сельскохозяйственной лексики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. I. С. 91-94.
5. Кумыкова Д. М. О некоторых особенностях развития русских терских говоров Кабардино-Балкарии // Русское народное слово в языке и речи. Арзамас – Саров: СГТ, 2009. С. 215-219.
6. Кумыкова Д. М. О склонении диалектных имен существительных (на материале русских терских говоров ст. Екатериноградской, Приближной, Солдатской КБР) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. 13. С. 164-182.
7. Кумыкова Д. М. Об одной синтаксической особенности русских терских казачьих говоров Кабардино-Балкарии // VI Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, 2005. С. 474.
8. Птенцова А. В. Семантика и функции служебных слов *ци* (*уи*) и *ли* в языке памятников древнерусской письменности (XI-XIV вв.): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1998. 26 с.
9. Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990. 208 с.

SPECIFICS OF FUNCTIONING OF AUXILIARY WORDS *ЧИ, ЛИ* IN THE DIALECTS

Kumykova Dina Mukharbievna, Ph. D. in Philology

Institute of Humanities Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
dina07-09@mail.ru

The article examines the specifics of functioning of auxiliary words *чи, ли* in the Russian Terek dialects of the Kabardino–Balkarian Republic. The author identifies that in the investigated dialects they are most commonly used in the function of disjunctive conjunctions the semantics of which includes the meaning of subjective modality, and conjunctions in the complex sentences. Their simultaneous use in a syntactic construction is a peculiarity considered as a manifestation of Russian-Ukrainian interlingual interference.

Key words and phrases: dialects of secondary formation; Russian Terek dialects; auxiliary words; particles; conjunctions; interlingual interference.

УДК 81*22

Филологические науки

В статье рассматривается феномен семантической диффузности на фоне построения метафоричного объемного образа. Заданное направление обнаруживает сразу несколько граней анализируемого явления, вскрывая сложность и многогранность феномена диффузности в широком смысле – как языковой потенции. Обращение к диффузности семантики в рамках построения метафоры являет собой уникальный, мощный прием порождения цепочки необходимых образов. Создание метафоричного объемного образа регистрируется в разных стилях речи, отражая интерактивную природу иницирующей и иницированной рефлексии.

Ключевые слова и фразы: диффузность семантики; метафора; объемность образа; языковая игра; потенция слова; категория множественности; рефлексия.

Леонтьева Алесья Вячеславовна, к. филол. н.

Московский государственный областной гуманитарный институт
lealesya1979@yandex.ru**ДИФФУЗНОСТЬ СЕМАНТИКИ СЛОВА
ПРИ СОЗДАНИИ МЕТАФОРИЧНОГО ОБЪЕМНОГО ОБРАЗА ©**

Повествуя о диффузности слова как одной из его потенций, мы выделяем её на фоне построения метафоры как:

- 1) **неопределённость, размытость границ семантического поля;**
- 2) **неполноту и неточность содержания или ошибочность представления;**
- 3) **приём построения объёмности образа.**

Причём последняя из выше названных граней диффузности семантики может включать в себя первые две особенности: неопределённость и неполноту содержания, а в некоторых случаях даже ошибочность представления, будучи реализованной в спонтанной устной речи, или как следствие построения специфичного образа героя через его речь.

Среди лингвистов подчеркивается факт чрезвычайной сложности выделения «чистой» семантики слова ввиду отсутствия свободы последнего от различного рода побочных смыслов, коннотаций даже при попытке исследователя «очистить» его от оных [2; 5; 6, с. 22]. В подобной ситуации присутствует также в некоторой степени интуитивное понимание лексической единицы в ходе собственной интерпретации, отнюдь не исключающее не вкладываемого автором содержания, а лишь мыслимое таковым получателем. Как отмечает Е. В. Сидоров, повествуя об интерактивной детерминации речевой коммуникации, реальные ценностные ориентиры и идеалы реципиента могут быть мало известны говорящему и являться лишь мыслимыми таковыми [9, с. 63]. Следует также признать, что во многих случаях семантическая интуиция оказывается вполне оправданной и верной.

Использование потенции к диффузности в слове, обусловленное различными намерениями автора, будь то: иронией, склонностью к приукрашиванию, потребностью в языковой игре и другими, является **уникальным и мощным приёмом в порождении цепочки необходимых образов**, являя собой одну из граней диффузности слова. Находим подтверждение данного утверждения в следующем примере из «Лавки древностей» Ч. Диккенса: «Мистер Свиллер принял это к сведению и неизменно называл свое жилище “*моя квартира*”, “*мои хоромы*”, “*мои апартаменты*”, вызывая у слушателей представление о безграничном пространстве и даруя их фантазии полную возможность бродить по длинным анфиладам и переходить из одного величественного зала в другой» [3, с. 67].

Другим обуславливающим фактором актуализации диффузности слова в речи является индивидуальный авторский стиль, независимо от изложения мыслей в подобной манере в письменном произведении или в жанре